Dohnal, Josef

Alexandr Afanasjevič Potebňa : vnitřní a vnější forma jako cesta k pochopení tvorby modelu světa

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky. 2003, vol. 52, iss. X6, pp. [57]-69

ISBN 80-210-3086-0
ISSN 1212-1509

Stable URL (handle): https://hdl.handle.net/11222.digilib/103324
Access Date: 27. 11. 2024
Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

MUNI ARTS Masarykova univerzita Filozofická fakulta

Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University
digilib.phil.muni.cz

SBORNÍK PRACÍ FILOZOFICKÉ FAKULTY BRNĚNSKÉ UNIVERZITY
STUDIA MINORA FACULTATIS PHILOSOPHICAE UNIVERSITATIS BRUNENSIS
X 6, 2003

JOSEF DOHNAL

ALEXANDR AFANASJEVIČ POTEBŇA: VNITŘNÍ A VNĚJŠÍ FORMA JAKO CESTA K POCHOPENÍ TVORBY MODELU SVĚTA

Jednou z kategorií, kterou stojí za to operovat v procesu interpretace literárního díla, je tzv. model světa, který má dílo „uloženo" ve svém základu. Z modelu světa zahrnujícího relativně komplexní poznání „půdorysu", „základu" toho, o čem dílo vypovídá, vyrůstá jeho reflexe daného světa a člověka jako jeho součásti.

Pohled na to, jak se takový „model světa" v lidské mysli utváří, může být značně různorodý stejně jako to, do jaké míry je člověk schopen s tímto modelem racionálně „zacházet", operovat jím jako celkem i jeho jednotlivými prvky při jeho vnímání i vnímání svého místa v takovém světě.

Zdá se nám, že v poslední době se i v české a slovenské literárněvědné rusistice objevují tendence hledat právě takové „půdorysy", jakési archetypy, jejichž konkrétní realizace by dokládaly, že existují hlubinné zákonitosti, na nichž konkrétní historické modely vytvářené danými literárními díly spočívají a aktualizují z nich to, co je pro ně nezbytné.[1] Zdá se nám proto smysluplné vrátit se k jedné etapě výzkumu toho, jakou roli v procesu reflexe světa a jejího ukládání do podoby literárního díla hraje jazyk – nositel možnosti vyjádřit a přenášet od jedince k jedinci a vzájemně pak sdílet a rozvíjet obraz světa. Za nesmírně přínosnou a v poslední době nepříliš zmiňovanou etapu v historii bádání o tom, jak se vnější svět ukládá v mysli jednotlivce, považujeme kapitolu o A. A. Potebňovi, jednomu z nejpronikavějších průkopníků propojování znalostí lingvistiky a psychologie. V tomto příspěvku se tedy pokusíme aktualizovat některé myšlenky z spisu Мысль и язык.

Potebňa hodně vycházel ze svých znalostí německých autorů, především W. von Humboldta, ale zdaleka ne jen jeho. Zajímalo ho především to, jakou souvislost má na jedné straně vnější svět daný člověku v jeho smyslovém vnímání a na druhé straně lidská duše, niterný individuální svět člověka. Uvědomoval si přitom

1 Takové tendence lze vysledovat mj. v produkci takových badatelů, jako jsou M. Mikulášek (směřující k aktualizaci gnosticismu) či A. Červeňák (sledující projevy triadičnosti jako základního konstrukčního „půdorysu"), o „půdorysu žánru" hovoří ve svých genologicky orientovaných pracích I. Pospíšil; po jejich vzoru pak těmito pojmy operují mnozí další.

jejich rozdílný význam i rozdílné postavení. V jeho fundamentální práci Мысль и язык, která se poprvé objevila knižně v roce 1892,[2] vychází z toho, že „область языка далеко не совпадает с областью мысли [...] слово нужно для преобразования низших форм мысли в понятия и, следовательно, должно появиться тогда, когда в душе уже есть материалы, предполагаемые этим преобразованием".[3] Na rozdíl od tehdy velmi autoritativního učení H. Tainea, které bylo orientováno na vnější prostředí a jeho vliv na jedince a které inkorporovalo mimo jiné prvek prostředí a rasy jako velmi důležité, Potebňa vychází z předpokladu, že zákony duševní činnosti „...одни для всех времен и народов..."[4] Obrací se proti jeho (Taineově) teorii i tam kde bychom v ní mohli čekat jistý prvek mechaničnosti, vzájemného podmiňování podle vzorce jestliže – pak.[5]

Potebňa si uvědomuje, že počitky přinášejí člověku úžasné množství impulsů, že však na ně člověk reaguje různě, že je každý jinak „ukládá", „zpracovává" ve své mysli. Hovoří v této souvislosti především o tom, že je třeba rozlišovat mezi obrazem předmětu a pojmem předmětu; a právě v této přechodové fázi přičítá hlavní nosnou roli slovu: „Говоря о переходе образа предмета в понятие о предмете, в более исключительно-человеческую форму мысли, мы увидим, что этот переход может совершиться только посредством слова, но при этом будем помнить, что само слово никак не создает понятия из образа, что понятие, как и многое другое в личной и народной жизни, навсегда остается для нас величиною, произведенною, так сказать, умножением известных нам условий на неизвестные нам и, вероятно, неисследимые силы."[6] Zcela v duchu této tendence uvažování pak dospívá k otázce, jaký je vztah „vnitřního" a vnějšího", naší duše, jak říká lidskému nitru, a vnějšího světa. Soudí pak, že existuje jistá dynamika mezi těmito dvěma „světy": „Субъективные ощущения состояний организма отодвигаются на задний план лишь по мере того, как образуется для души различие между внешним и внутренним, т. е. по мере проекции впечатлений объективных чувств."[7] Zatímco vnitřní svět organizuje podle Potebni jakýsi jednotný vnitřní cit (внутреннее

2 Vydána byla v Sankt-Peterburgu a brzy poté v tomtéž roce v Charkově.

3 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 36–37. Tyto myšlenky uvádí právě jako reakci na W. von Humboldta a rozvíjí tak jeho teoretické názory. Poznámka: Citace z tohoto vydání alespoň v základních rysech přizpůsobujeme současné spisovné ruštině, některé charakteristické rysy pravopisu však neměníme.

4 Tamtéž, s. 38.

5 „...хотя ощущения и подчиняются в своих взаимодействиях известным механическим законам, но эти законы не исчерпывают и не объясняют высших явлений духовной жизни. Механическое течение восприятий служит только поводом, только вызывает новые формы деятельности души, которые никак бы не вышли из самого этого механизма." Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 51.

6 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 52. Potebňa si současně je vědom toho, že v pojmenovávání toho, o co skutečně jde, vládne v našem jazyce jistý zmatek: „...одним названием обозначаются два явления: a) восприятие впечатлений от состояния тела и b) состояние души при хаотическом смешении этих впечатлений с впечатлениями других чувств, еще не сложившимися в образ внешнего предмета." Tamtéž, s. 54.

7 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 55.

чувство), vnější svět je nám podáván v počitcích všech smyslů. Důležitá je proto rovněž organizovanost, uspořádanost, jakási zákonitost.[8] Všímá si v této souvislosti i toho, že velmi důležitou roli v této strukturovanosti hrají kategorie času a prostoru, ale i toho, že člověk tíhne k tomu, aby si tyto kategorie fixoval v zjednodušené podobě (např. západ byl původně tam, kde zapadalo Slunce, ale člověk „západ" nepřesouvá podle toho, kde v daný den Slunce skutečně zapadá, rovněž v čase předpokládáme existenci kontinuální časové řady, třebaže neznáme ani její začátek, ale ani konec). Znamenalo by to tedy, že i tyto kategorie podléhají jakémusi sekundárnímu strukturování, kdy onen jednotný vnitřní cit začíná být pod tíhou počitků nucen akceptovat rozčleněnost jako objektivní vlastnost vnějších předmětů a dějů. Je to způsob, jakým počitky přecházejí v obrazy předmětů, které v našem nitru vytvářejí svébytný svět. Poznávání světa pak považuje za specificky lidský atribut.[9]

Právě fakt individuální syntézy vnitřního a vnějšího vede Potebňu k soudu, že: „...каждый понимает слово по-своему, но внешняя форма слова проникнута объектиною мыслью, независимо от понимания отдельных лиц. Только это дает слову возможность передаваться из рода в род; оно получает новые значения только потому, что имело прежние".[10]

Potebňa ve své práci dále naráží i na problém myšlení a lidské emocionality; hlavní dělící čáru mezi nimi mu umožňuje udělat časová dimenze, kterou s nimi považuje za spjatou: „Мысль имеет своим содержанием те восприятия или ряды восприятий, какие в нас были, и потому может стареться; чувство есть всегра оценка наличного содержания нашей души и всегда ново. [...] Понять известное явление значит сделать его предметом нашей мысли."[11] Podobně jako emoce také naše duševní stavy těsně s nimi související stávají se předmětem Potebňových úvah. I v nich nalézá neuvědomovanou a uvědomovanou stránku a v procesu uvědomování přiřazuje slovu významnou roli: „Наши душевные состояния уясняются нам лишь по мере того, как мы их обнаруживаем, даем им как бы самостоятельное существование, находя их, напр., в других или выражая в слове."[12]

Postupně se pak dostává ke konstatování, že slovo disponuje zvláštností, kterou on nazývá *vnitřní forma*. Pro Potebňu jde o fakt zásadní důležitosti, který vyplývá z celého jeho výše citovaného přemýšlení o procesu konstituování slova a jeho významu: „В слове есть, следовательно, два содержания: одно, которое мы выше называли объективным, а теперь можем назвать ближайшим этимологическим значением слова, всегда заключает в себе только один

8 „Наклонность наслаждаться в явлениях их собственным достоинством не раздельна со стремлением искать в них внутренней законности." Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 59.

9 „Одному человеку свойственно безкорыстное стремление проникать в особенности предметов, неутомимо искать отношений между отдельными восприятиями и делать эти отношения предметами новых мыслей." Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 63.

10 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 75.

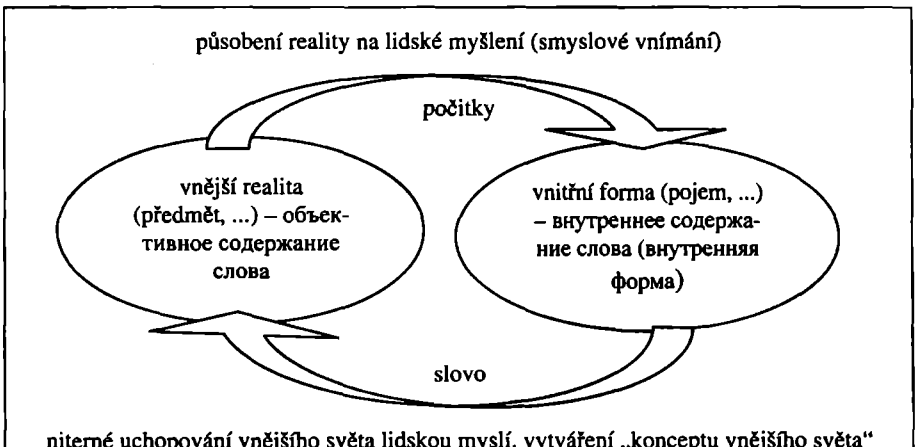
11 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 75–76.

12 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 81.

признак; другое – субъективное содержание, в котором признаков может быть множество. Первое есть знак, символ, заменяющий для нас второе. [...] Первое содержание слова есть та форма, в которой нашему сознанию представляется содержание мысли. Поэтому, если исключить второе, субъективное и [...] единственное содержание, то в слове останется только звук, т. е. внешняя форма, и этимологическое значение, которое тоже есть форма, но только внутренняя. Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Этим только можно объяснить, почему в одном и том же языке может быть много слов для обозначения того же предмета, а, наоборот, одно слово совершенно согласно с требованиями языка может обозначать предметы разнородные."[13] Závěr, který z těchto vývodů Potebňa dělá, je jednoznačný: „Символизм уже в самых начатках человеческой речи отличает ее от звуков животных и от междуметий."[14] Díky takovému chápání slova/jazyka, při kterém je jazyk prostředníkem mezi naším myšlením a vnější skutečností, pak Potebňa konstatuje, že významovost slov není dána a priori, nýbrž že: „...звук осмысливается не сразу; только по мере того, как он сживается с известным значением слова, человек открывает в нем необходимость его единения с такою, а не с другою мыслью."[15]

Potebňova koncepce je zajímavá především tím, jak těsně je navázána na dvojí vývojovou linii – vývoj lidského myšlení (a ten můžeme chápat jak jako vývoj myšlení lidstva, tak jako myšlení lidského jedince, který se musí seznamovat s obecně kulturním územ society, se kterou kulturu s jejími součástmi, mj. i s jazykem, sdílí).

Vyjádřeno graficky, mohli bychom si pravděpodobně představit realizaci Potebňova „označovacího cyklu" následujícím způsobem:



13 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 83.
14 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 85.
15 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 90.

Dynamické chápání tohoto procesu je pro Potebňu samozřejmostí; při apercepci v procesu řeči tak rozlišuje dvě její stránky: „...с одной стороны, воспринимаемое и объясняемое, с другой – ту совокупность мыслей и чувств, которой подчиняется первое, и посредством коей оно объясняется."[16]

Jak však z právě uvedeného citátu můžeme rovněž odvodit, v samotném faktu apercepce nachází Potebňa dvojí živel – myšlení a city. Fakt vlivu emocionality je třeba podtrhnout i z hlediska současných poznatků o důležitosti lidské emocionality a emocionální inteligence.

Kromě toho pracuje Potebňa s individuálním myšlenkovým a emocionálním potenciálem lidských jedinců. Proces stejného rozumění slovům je tak podle něho prakticky vyloučen, protože subjekty komunikace jsou vždy značně rozdílné.[17] Není na újmu originality Potebňovy práce, že se velmi často obrací k W. von Humboldtovi – jeho myšlenky bere za základ a rozvíjí je způsobem, který je na svou dobu velmi pokrokový – a dobový.[18] Jeho důraz kladený na individuální myšlenkový svět jako by byl paralelou toho, co se odehrávalo v literatuře a v postupně se konstituující psychologii.

Kdybychom poněkud parafrázovali pojem „estopsychologie", se kterým přišel v osmdesátých letech 19. století E. Hennequin, mohli bychom pro Potebňovy práce možná využít označení lingvopsychologie. Svědčí o tom zřetelně i zdůraznění významu slova pro jedince a jeho sebeuvědomění: „...слово есть настолько средство понимать другого, насколько оно средство понимать самого себя. [...] Сила человеческой мысли не в том, что слово вызывает в сознание прежние восприятия (это возможно и без слов), а в том, как именно оно заставляет человека пользоваться сокровищами своего прошедшего

16 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 91.

17 „Что касается до самого субъективного содержания мысли говорящего и мысли понимающего, то эти содержания до такой степени различны, что хотя это различие обыкновенно замечается только при явных недоразумениях (напр., в сказке о набитом дураке, где дурак придает общий смысл советам матери, которые годятся только для частных случаев), но легко может быть сознано и при так называемом полном понимании. Мысли говорящего и мысли понимающего сходятся между собою только в слове. [...] Поэтому всякое понимание есть вместе непонимание, всякое согласие в мыслях – вместе несогласие." Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 109. Odvolává se při tom právě na W. von Humboldta, u kterého Potebňa cení myšlenku o tom, že „...люди [...] понимают друг друга не таким образом, что действительно передают один другому знаки предметеов ... и не тем, что взаимно заставляют себя производить одно и то же понятие, а тем, что затрагивают друг в друге то же звено цепи чувственныйх представлений и понятий, прикасаются к тому же клавишу своего духовного инструмента, вследствие чего в каждом восстают соответствующие, но не те же понятия." Tamtéž, s. 110.

18 Za zmínku v této souvislosti možná stojí výsledky práce Alexandra Veselovského. Jeho celkové zaměření bylo sice podstatně odlišné, v jednom výchozím bodě se však, podle našeho názoru, vzájemně dotýkají. Zatímco Potebňa pracuje s individuálním vědomím, Veselovskij se obrací především ke kulturním celkům, u kterých však hledá do značné míry totéž: odraz konkrétního způsobu života v jejich slovesnosti. Pracuje-li tedy Potebňa na úrovni individua a do jisté míry nechává mimo ohnisko pozornosti značný vliv sociální subkultury, v níž je jedinec zařazen, Veselovskij právě toto hledisko akcentuje, zatímco hledisko individuální pro něho nemá prioritní význam.

[...] внутренняя форма, по отношению к тому, что посредством нее мыслится, к тому содержанию слова, которое мы выше назвали субъективным, есть представление в тесном смысле этого слова..."[19]

Vnitřní forma, která je základním předmětem badatelova zájmu, je podle jeho názoru také ústředním bodem obrazu, jedním z jeho nejdůležitějších příznaků. „Признак, выраженный словом, легко упрочивает свое преобладание над всеми остальными, потому что воспроизводится при всяком новом восприятии, даже не заключаясь в этом последнем, тогда как из остальных признаков образа многие могут лишь изредка возвращаться в сознание. [...] Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, т. е. представление."[20] Pojem „představa" si pak žádá bližšího vysvětlení. Potebňa ho dává a prokazuje, že jeho chápání představy je skutečně hluboké: „Представление есть известное содержание нашей мысли, но оно имеет значение не само по себе, а только как форма, в какой чувственный образ входит в сознание; оно – только указание на этот образ, и вне связи с ним, т. е. вне суждения, не имеет смысла. Но представление возможно только в слове, а потому слово, независимо от своего сочетания с другими, взятое отдельно в живой речи, есть выражение суждения, двучленная величина, состоящая из образа и его представления."[21]

V těchto svých vývodech jako by Potebňa šel stejnou cestou jako E. Cassierer při uvažování vzájemném vztahu jazyka a reality, o tom, co je vlastně primární v jazykovém systému, zda podstatná jména jako pojmenování pro věci, či slovesa jako pojmenování pro akce. Cassierer v této souvislosti říká: „...the analysis of reality in terms of things and processes, permanent and transitory aspects, objects and actions, do not precede language as a substratum of given fact, but that language itself is what initiates such articulations, and develope them in its own sphere."[22] I Cassierer dále hovoří o organizující roli jazyka, jako by v mnohém navazoval na podobnou linii úvah u Potebni: „...the limits of things must first be posited, the outlines drawn, by the agency of language; and this is accomplished as man´s activity becomes internally organized, and his conception of Being acquires a correspondingly clear and definite pattern [...] the primary function of linguistic concepts does not consist in the comparison of experiences and the selection of certain common attributes, but in the concentration of such experineces, so to speak, in distilling them down to one point."[23]

---

19 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 113.

20 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 116.

21 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 117.

22 Cassierer, E.: Language and Myth. Dover Publications Inc., New York, bez vročení, s. 12. Dále pak dovozuje, že pro současného člověka je „normální", když je mu svět dáván „as a pattern of definite forms, each with its own perfectly determinate spatial limits that give it its specific individuality". (Tamtéž, s. 13.) Právě takovému vidění však neodpovídá jím studované „mythmaking consciousness", které má jako prvotní celek, z něhož jednotky vyvozuje: „For this reason the mystic state of mind has been called the ‚complex' state, to distinguish it from our abstract analytic attitude." (Tamtéž.)

23 Cassierer, E.: Language and Myth. Dover Publications Inc., New York, bez vročení, s. 37.

V rámci našich úvah orientovaných na literární umění je zajímavé, že Potebňa sice hovoří o emocionální stránce významu slova pro jedince (tedy zřejmě o sepětí vnitřní formy slova s emocionálním hodnocením toho, co je spojeno s vnější formou slova), výrazná míra emocionální nasycenosti slov v literatuře není pro Potebňu tím podstatným, čemu by věnoval pozornost. Slovo je pro Potebňu klíčem, základním stavebním kamenem lidského vědomí a lidského myšlení: „В слове, как представлении единства, и в общности образа, как замене случайных и изменчивых сочетаний, составляющих образ, постоянным представлением (которое, припомним, в первобытном слове не есть ни действие, ни качество), человек впервые приходит к сознанию бытия темного зерна предмета, к знанию действительного предмета."[24] Potebňa tu opět rozvíjí Humboldtovu myšlenku, podotýká však, že „понятие развивает только то, что дано уже до него".[25]

I při takovém chápání významu slova Potebňa nepřeceňuje schopnost člověka poznávat pravdu o světě. Je si neustále vědom subjektivnosti a stejně jako při zdůrazňování obtíží spojených s tím, aby se dva hovořící navzájem chápali, o kterých jsme se zmiňovali výše, i v případě možnosti pravdivého poznání, poznání toho, co skutečně mimo člověka existuje, je Potebňa skeptický: „...такое значение не есть истина, но указывает на существование истины где-то вдали, и что вообще человека характеризует не знание истины, а стремление, любовь к ней, убеждение в ее бытии."[26] Právě v tomto ohledu je zajímavé, že později ve svém výkladu slovo opětovně charakterizuje jako předmět srovnávání.[27]

Poznání je pro něj dynamickým procesem a užívání slov tedy považuje do značné míry jako umožnění analytického poznávání světa člověkem. Asi nejpřesněji pak vyjadřuje své pojetí slova takto: „Слово не есть, как и следует из предыдущего, внешняя прибавка к готовой уже в человеческой душе идее необходимости. Оно есть вытекающее из глубины человеческой природы средство создавать эту идею, потому что только посредством него происходит и разложение мысли. Как в слове впервые человек сознает свою мысль, так в нем же прежде всего он видит ту законность, которую потом переносит на мир. Мысль, вскормленная словом, начинает относиться непосредственно к самим понятиям..."[28]

---

24 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 124.

25 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 124.

26 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 125.

27 „...Мы не можем себе представить первоначального предложения иначе, как в виде явственного для говорящего сравнения двух самостоятельно сложившихся чувственных образов, и по этому поводу напомним сделанное выше определение слова вообще как средства апперцепции, или, что то же, средства сравнения." In: Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 128–129. „Всякое суждение есть акт апперцепции, толкования, познания, так что совокупность суждений, на которые разложился чувственный образ, можем назвать аналитическим познанием образа. Такая совокупность есть понятие." In: Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 130.

28 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 133.

Jak vidíme, Potebňa tu pracuje s modelem, který kromě své dynamičnosti a dichotomičnosti vnitřní a vnější formy velmi silně začleňuje poznatky spojené s poznatky o duchovní činnosti jedince, s tím, jak ve svém vědomí ukotvuje to, co mu o světě umožňují poznat jeho smysly. Kromě toho, že je toto „vyznávání se" ve světě vně i uvnitř jeho Já umožněno slovy, je si Potebňa vědom i toho, že slovo jako znak nemůže být „vlastnictvím" jediného člověka, že nutně musí být sdíleno. Slovo (jazyk) tak dostává i svůj další význam – je kromě toho i socializujícím prvkem, neboť propojuje jedince s jeho lidským okolím, s ostatními jedinci: „...говорить значит связывать свою узкую мысль с мышлением своего племени, народа, человечества [...] только в ту пору, когда человеку стала более-менее доступна система понятий, слово на самом деле вносит в мысль весьма мало: первоначально же оно, действительно, дает новое содержание, указывая на отношения мыслимой единицы к ряду других."[29] Začleněnost do kultury nebo subkultury tak vytváří předpoklady pro jistou propojenost ve vidění světa. Jenže pak již nejde jen o sám a jediný akt označování, nýbrž o to, že pomocí označení dochází leckdy i k vymezování vztahů (mezi pojmy navzájem, mezi pojmy a hodnotovými soudy o jejich obsahu atd.).[30]

Slovo (potažmo jazyk) podle Potebni tedy

- propojuje skutečnosti vnějšího světa s vnitřním myšlenkovým světem individua,
- propojuje jedince se societou, do které je včleněn,
- vytváří potenciál dynamiky chápání organizace vnitřního i vnějšího světa – organizuje, udržuje a mění soudy jakožto obsahy vědomí jedince,
- vymezuje vztahy mezi jedincem a označovaným, ale i mezi různými označovanými,
- obsahuje či umožňuje hodnotové soudy o pojmenovávaných skutečnostech, a to jak v pojmech, tak v obrazech dostupných smyslům.

Ve své soustředěnosti na slovo jako takové a na jeho význam je však Potebňa otevřen i myšlenkám na to, že slovo není pro lidské myšlení základním obsahem, uvědomuje si, že slovo v procesu komunikace dostává spíše funkci „signálu", znaku.[31] To by však odpovídalo spíše vnímání vnějšího světa; Potebňa mys-

---

29 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 135.

30 „Понятие, рассматриваемое психологически, т.е. не с одной только стороны своего содержания, как в логике, но и со стороны формы своего появления в действительности, одним словом – как деятельность, есть известное количество суждений, следовательно, не один акт мысли, а целый ряд их." Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 135.

31 „Мысль наша, по содержанию, есть или образ, или понятие; третьего среднего между тем и другим нет; но на пояснении слова понятием или образом мы останавливаемся только тогда, когда особенно им заинтересованы, обыкновенно-же ограничиваемся одним только словом. Поэтомы мысль со стороны формы, в какой она входит в сознание, может быть не только образом или понятием, но и представлением или словом. [...] Слово, будучи средством развития мысли, изменения образа в понятие, само представляет ее содержания. Если помнится центральный признак образа, выражаемый словом, то он [...] имеет значение не сам по себе, а как знак, символ известного содержания; если вместе с образованием понятия теряется внутренняя форма, как в большей части наших слов, принимаемых за коренные, то слово становится чистым указанием на

lí ale i na náš vnitřní svět, zabývá se vědomím si sebe sama, sledováním obsahů našeho vědomí. I v této souvislosti má řadu pronikavých postřehů: soudí např., že naše myšlenky nereflektují to, co je či bude, ale to, co naším myšlením prošlo, tedy jeho minulost, Domnívá se rovněž: „*Я* сознающее и *я* сознаваемое не имели бы ничего общего; *я*, как объект, нам известно, изменчиво, усовершимо; *я*, как субъект, , неопределимо, потому что всякое его определение есть содержание мысли, предмет самосознания, не тождественный с самосознающим *я*...“[32] Jeho názor na schopnost sebereflexe je pak výsledkem předchozích úvah: „...в самосознании душа не раздвояется на сознаваемое и чистое сознающее я, а переходит от одной мысли к мысли об этой мысли, т. е. к другой мысли, точно так, как при сравнении от сравниваемого к тому, с чем сравнивается.“[33]

(Sebe)reflexe vůbec je předmětem zevrubných Potebňových úvah i nadále. Zabývá se mechanismem vědomí o sobě samém a v souvislosti s ním konstatuje, že je to vědomý proces: „...можно сказать, что при самосознании данное состояние души не отражается в ней самой, а находится под наблюдением другого ее состояния, т. е. известной, более или менее определенной мысли.“[34] Takové vědomí má podle něho dvě podoby – výše popsanou spojenou s myšlenkou, tedy vědomou, a oproti ní pak instinktivní, která vystupuje jako představa (представление). Vytváření vědomí o sobě samém (Já) a o světě kolem (ne-Já) je procesem, který probíhá od dětství a souvisí s vytvářením názoru na svět (světonázoru).[35]

Vývojově je pak podle něho pochopitelné, že takový obraz světa se měnil podle toho, nakolik se člověk z vnějšího světa vydělovat a dokázal si toto vydělení uvědomovat. V dávných dobách „...человек менее выделял себя из мира, [...] мир его был более субъективен, [...] тем самым и состав его *я* был другой, чем теперь. Можно оставаться при успокоительной мысли, что наше собственное миросозерцание есть верный снимок с действительного мира, но нельзя же нам не видеть, что именно в сознании заключались причины, почему человека периода мифов мир представлялся таким, а не другим.“[36] Toto dynamické pojetí je pro Potebňu samozřejmé a hodnotové soudy, které na jeho základě vyslovuje, jsou východiskem k několika dalším

мысль, между его звуком и содержанием не остается для сознания говорящего ничего среднего. Представлять значит, следовательно, думать сложными рядами мыслей, не вводя почти ничего из этих рядов в сознание.“ Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 136.

32 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 138.

33 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 138.

34 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 139.

35 По мере того, как известные сочетания восприятий [...] слагаются в образы предметов, образуется и самое *я*, – состав этого *я* зависит от того, насколько оно выделило из себя и объективировало *не я*, или, наоборот, от того, насколько само выделилось из своего мира: все равно скажем ли мы так или иначе, потому что исходное состояние сознания есть полное безразличие *я* и *не я*. Ход объективирования предметов может быть иначе назван процессом образования взгляда на мир...“ Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 140.

36 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 140.

pozoruhodným tvrzením. Soudí jednak, že jazyk „...есть средтство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее [...] он не отражение сложившегося миросозерцания, а слагающая его деятельность."[37] Spojuje tak nejtěsnějším způsobem naše myšlení s jazykem a dokonce pak vyslovuje přesvědčení: „...миф сходен с наукою в том, что и он произведен стремлением к объективному познанию мира. Чувственный образ, исходная форма мысли, вместе и субъективен, потому что есть результат нам исключительно принадлежащей деятельности и в каждой душе слагается иначе, и объективен, потому что появляется при таких, а не других внешних возбуждениях и проицируется душою."[38]

V samotném slově pak nachází triádu, kterou tvoří

a) vnější forma („членораздельный звук"),
b) obsah („содержание, объективируемое посредством звука"),
c) vnitřní formu („ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, которым выражается содержание").[39]

Přenáší pak danou triádu na slovo v literatuře a dokladuje, jak individuálně může být vnější forma interpretována různými lidmi: „...одно и то же художественное произведение, один и тот же образ различно действуют на разных людей, и на одно и то же лицо в разное время, точно так, как одно и то же слово каждым понимается иначе; здесь относительная неподвижность образа при изменчивости содержания."[40] Vnitřní formu považuje v takovém případě za faktor propojující obraz a jeho směřování k myšlence.[41]

Neudivuje proto, že bezprostředně poté Potebňa hovoří o tom, nakolik důležité je vnímání této triády i pro umělecké sdělování, kdy „...мысль в слове перестает быть собственностью самого говорящего и получает возможность жизни самостоятельной по отношению к своему создателю. [...] Внутренняя форма слова, произнесенная говорящим, дает направление мысли слушающего, но она только возбуждает этого последнего, дает только способ развития в нем значений, не назначая пределов в его понимании слова. [...] Только в силу того, что содержание слова способно расти, слово может быть средством понимать другого. [...] Сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его содержании. Это содержание, проицируемое нами, т. е. влагаемое в самое произведение, действительно, условлено его внутренней формой, но могло

37 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 141.
38 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 141.
39 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 145.
40 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 147.
41 „...в поэтическом [...] произведении есть те же самые стихии, что и в слове: содержание (или идея), соответствующее чувственному образу или развитому из него понятию; внутренняя форма, образ, который указывает на это содержание, соответствующий представлению (которое тоже имеет значение только как символ, намек на известную совокупность чувственных восприятий, или на понятие), и, наконец, внешняя форма, в которой объективируется художественный образ." Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 150.

вовсе не входить в расчеты художника, который творит, удовлетворяя временным, нередко весьма узким потребностям своей личной жизни".[42]

Takovéto pojímání procesu přetváření vnějšího na niterné pak nemůže nevyústit v základní postulát ukazující chápání určité omezenosti umění v jeho schopnosti uchopovat a předávat jiným vnější realitu, svět: „Искусство имеет своим предметом природу в обширнейшем смысле этого слова, но оно есть не непосредственное отражение природы в душе, а известное видоизменение этого отражения. Между произведением искусства и природой стоит мысль человека. Только под этим условием искусство может быт творчеством."[43] Je si kromě toho vědom i jisté omezenosti umění v zachycování vnější reality; soudí, že uměleckým zobrazením vnější reality dochází k potlačení některých jejích nepodstatných rysů. Nepovažuje to však za projev nízké hodnoty umění pro člověka, spíše naopak: vnímá jeho významnou roli v práci na sobě samém, v jisté zklidňující roli, již umění hraje: „Представление и идеал, разлагая волнующее человека чувство, уничтожают власть последнего, отодвигают его к прошедшему. Необъективированное состояние души покоряет себе сознание, объективированное в слове или произведении искусства – покоряется ему, ложится в основание дальнейшей душевной жизни. Отсюда как слово, так и художественное произведение заканчивает периоды развития художника, служит поворотною точкой его душевной жизни. Признания поэтов, из коих один стихами отделался от могучего образа, много лет возмущавшего его ум, другой передавал своим героям свои дурные качества, служат блистательными доказательствами того, что и искусство есть орган самосознания [...] художественное произведение есть синтез трех моментов (внешней формы, внутренней формы и содержания), результат бессознательного творчества, средство развития мысли и самосознания..."[44] Potebňa se tak dostává velice blízko k pojmu autokatarze jako očištění se od niterných strachů a napětí pojmenováváním. Takové pojetí je pak výrazně blízko tomu, s nímž přišel S. Freud, když ve svých Přednáškách k úvodu do psychoanalýzy charakterizoval postup, jímž se umělec stává umělcem.

„...слово и поэзия сосредоточивают в себе всю эстетическую жизнь народа, заключают в себе зародыши остальных искусств в том смысле, что совокупность содержания, доступного только этим последним, первоначально составляет невыраженное и несознанное дополнение к слову,"[45] tvrdí pak později a poukazuje tak na roli verbalizace jako takové jak v jejím významu pro objektivaci niterných stavů, tak i v jejím vztahu k societě, k tomu, co

---

42 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 150–152. Podporuje to i další Potebňovo tvrzení, ve kterém si hledí toho, čím je vlastně v procesu sdělování slovo: „...слово есть выражение мысли лишь настолько, насколько служит средством к ее созданию; внутренняя форма, единственное объективное содержание слова, имеет значение только потому, что видоизменяет и совершенствует те аггрегаты восприятий, какие застает в душе." Tamtéž, s. 153.

43 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 154.

44 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 161.

45 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 162.

je často v poslední době nazýváno kulturní informací.[46] Potebňa dochází dokonce ke srovnání umění a vědy – říká, že: „Если искусство есть процесс объективирования первоначальных данных душевной жизни, то наука есть процесс объективирования искусства."[47]

Potebňa se dotýká i vývoje poznání a sebepoznání. Důležité v této souvislosti je to, že vychází z prvotnosti poznání na úrovni jedinec – vnější realita, teprve později začíná vědomý poznávací proces na úrovni jedinec – vnitřní realita: „Человек обращается внутрь себя только от внешних предметов, познает себя сначала только вне себя; внутренняя жизнь всегда имеет для человека непосредственную цену, но сознается и уясняется исподволь и непосредственно. [...] Кажется, будто природа импонирует человеку, который освобождается от ее давления лишь по мере того, как посредством языка слагает внешние явления в систему и осмысливает их, связывая с событиями своей душевной жизни."[48] Současně si je vědom toho, že každý takový stupeň poznávání vnějšího i vnitřního je historicky omezený, vyjadřuje daný stupeň vývoje poznání.[49]

Z hlediska duševní činnosti by asi nebylo možné, aby člověk při používání jazykových prostředků, plně reflektoval historický vývoj jazyka a lidského poznání, které je s ním spjato. Uvědomuje si to i Potebňa a reflektuje to: „Хотя исходная точка языка и сознательной мысли есть сравнение и хотя все же язык происходит из усложнения этой первоначальной формы, но отсюда не следует, чтобы мысль говорящего при каждом слове должна была происходить все степени развития, предполагаемые этим словом. Напротив, в большинстве случаев необходимо забвение всего предшествующего по-

46 Viz např. Šmajs, J.: Gnoseologické implikace evoluční ontologie. Brno 2001.

47 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 166. Jen o málo později pak tvrdí: „Слово только потому есть орган мысли и непременное условие всего позднейшего развития понимания мира и себя, что первоначально есть символ, идеал и имеет все свойства художественного произведения." Tamtéž, s. 167. Soudí však, že slovo po jisté době svoji symbolickou platnost ztrácí, neboť se „vyčerpalo" tím, že dosáhlo svého cíle, vyvolání masy myšlenek: má tím zřejmě na mysli to, že se slovo stalo se ze symbolu instrumentem lidského myšlení. Hovoří pro to i to, jak danou myšlenku o něco níže rozvádí: „...развитие понятия из чувственного образа и потеря поэтичности слова – явления, взаимно условленные друг другом; единственная причина общего всем языкам стремления слова стать только знаком мысли, есть психологическая..." Tamtéž, s. 169.

48 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 174. V této souvislosti je možná zajímavé citovat jednu repliku, kterou v Platonovově románu Čevengur vyslovil Jakov Tityč, když se snažil vysvětlit, proč si mluví sám pro sebe: „Dokavad slovo nevyslovíš, nezmoudříš, jelikož v mlčení není moudrost, v mlčení je jen vnitřní trápení." V: Platonov, A.:, Čevengur. Praha 1995, s. 318. „Zmoudřením" jako by se vyjadřovalo totéž, co Potebňa formuluje tak, že „...в чарах, так называемых теперь симпатических средствах и тому подобных явлениях, основанных на языке, человек впервые пришел к сознанию причины, т. е. создал ее." (Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 176.)

49 „Устанавливаемая таким путем связь между явлениями субъективна с точки зрения той связи, которая нам кажется истинною и внесена в наше миросозерцание умственными усилиями многих тысячелетий; но понятия объективного и субъективного – относительны, и, без сомнения, придет время, когда то, что нам представляется свойством самой природы, окажется только особенностью взгляда нашего времени." V: Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 176.

следней форме нашей мысли."[50] Další promýšlení této teze mu dává popud k vyslovení názoru na významný rozdíl mezi poezií na straně jedné a prózou na straně druhé: „По мере того, как мысль посредством слова идеализируется и освобождается от подавляющего и раздробляющего ее влияния непосредственных чувственных восприятий, слово лишается исподволь своей образности. Тем самым полагается начало прозе, сущность коей – в известной сложности и отвлеченности мысли. [...] Первое появление прозы в письменности не есть время ее рождения, еще до этого она уже есть в разговорной речи, если входящие в нее слова – только знаки значений, а не, как в поэзии, конкретные образы, пробуждающие значение. Количество прозаических стихий в языке постоянно увеличивается согласно с естественным ходом развития мысли."[51]

Jak vidět, mnohé z Potebňových postřehů dokáží být navýsost inspirující i dnes. Za předmět zájmu by se v rozvíjení jeho pohledu daly označit poznatky současného bádání o lidském mozku, ze kterých vyplývá, že lidský mozek obsahuje jakési „mentální mapy", jakési „vzorce" sloužící jako výchozí bod pro individuální percepci světa. Možná i odtud časem dostane literární věda další podněty pro hlubší pohled na uměleckou literární tvorbu a její interpretaci.

50 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 180.
51 Потебня, А. А.: Мысль и язык. Одесса 1922, с. 181.